

Жанет посвящается

Список иллюстраций

Карта 0.1. Кейсы, рассматриваемые в данной книге. Нумерация соответствует номерам глав.

Карта 1.1. Рудник Ок-Теди и река Флай, от Звездных гор до залива Папуа, Папуа — Новая Гвинея.

Карта 2.1. Западное Папуа, Индонезия.

Карта 3.1. Социолингвистические группы в бассейне реки Лейккаму, Папуа — Новая Гвинея.

Карта 4.1. Шахта Голд-Ридж и прилегающая территория. Гуадалканал, Соломоновы острова.

Карта 5.1. Ядерные осадки на атолле Ронгелап после испытания «Браво» в 1954 году, Маршалловы острова.

Карта 7.1. Территория реки Нижняя Маровинье, в том числе запovedники Галиби и Уэйн-Крик, Суринам.

Карта 7.2. Реки Средняя и Верхняя Мазаруни и деревня Иссенеру, Гайана.

Рис. 1.1. Участник саммита по поводу шахты Ок-Теди, состоявшейся в 2005 году, с раздаточным материалом о кислотном дренаже шахт. Киунга, Папуа — Новая Гвинея. Фото: Стюарт Кириш.

Рис. 2.1. Постер фильма «Затерянные в Папуа», изображающий воссоединение главной героини со своим бывшим женихом, который находился в плену в женской деревне в Западном Папуа, 2011.

Рис. 2.2. Западнопапуасский активист Дж. Септер Мануфанду и реклама телевизионной программы о каннибализме в Западном Папуа в Нью-Йорке, 2011. Фото: Стюарт Кириш.

Рис. 2.3. «Политика» западнопапуасского художника Донатуса Мойвенда. Фото: Роза Мойвенд.

Рис. 4.1. Члены освободительного движения «Исатабу» с самодельными ружьями готовятся к патрулированию на окраине Хониары, Соломоновы острова. 2000. Фото: Бен Бохане / wakaphotos.com

Рис. 5.2. Парусное каноэ дальнего плавания (*валан*) в Джалиуте, Маршалловы острова, 1884. Фото: Герман Столпе, экспедиция Ванадис / Музей Бишоп.

Рис. 7.1. Продажа продукции коренными жителями из Галиби на рынке в Сен-Лоран-дю-Марони, Французская Гвиана, 2009. Фото: Стюарт Кирш.

Рис. 7.2. Ферма акавайо для выращивания маниоки возле деревни Иссенеру, Гайана, 2014. Фото: Стюарт Кирш.

Рис. 7.3. Люди акавайо, занимающиеся гидравлической добычей возле деревни Иссенеру, Гайана, 2014. Фото: Стюарт Кирш.

Рис. 7.4. Дноуглубительные работы вблизи деревни Иссенеру, Гайана, 2016. Фото: Ода Альмос / Программа лесных народов.

Благодарности

Подобный проект — охватывающий десятилетия, континенты, острова и океаны, — был бы невозможен без поддержки многих людей и организаций. Я еще раз выражаю свою признательность всем людям, с которыми я сотрудничал по делу Ок-Теди [Kirsch 2006, 2014]. Я благодарю за понимание и помощь политических лидеров Западной Новой Гвинеи Джона Румбиака и Октовияну-са Мота и беженцев, живущих в Папуа — Новой Гвинее, — за доверие. Роза Мойвенд сделала возможным мой визит в Джаяпуру и Биак в 2014 году благодаря своим рекомендациям, знакомствам и переводам. Мое исследование комплексного проекта по сохранению и развитию бассейна реки Лейккаму в 1994 году проводилось при содействии Брюса Билера и Космаса Макамета. Я благодарен покойному вождю Джону Салеа за помощь во время моих исследований на Соломоновых островах в 1998–1999 годах, Марите Фоли и Нику-Стьянту Брауну из «Слейтер и Гордон», а также Дороти Викхэм за то, что она поделилась своими знаниями об этом регионе. Я в долгу перед Питером Ирогой из газеты *Solomon Star* за содействие в проведении архивных исследований в Хониаре в 2014 году, а также перед бывшим англиканским епископом Малаиты Терри Брауном за то, что он познакомил меня с Питером. Билл Грэм, общественный адвокат Трибунала Республики Маршалловых островов по ядерным претензиям, вместе с Холли Баркер и Барбарой Роуз Джонстон, обеспечили мое участие в начальной стадии дела Ронгелапа в 1999 году. Фергус Маккей из Программы лесных народов пригласил меня дать письменные показания под присягой [аффидевиты] в Межамериканскую комиссию по правам человека и Суд по правам человека, в чем я опирался на рекомендации Карлы

Мадсиан в Суринаме в 2009 году, а также Лауры Джордж и Дэвида Джеймса в Гайане в 2014 году. Благодарю капитанов и *тошаос* общин, которые я посетил.

Рукопись этой книги была подготовлена во время моего пребывания в качестве приглашенного научного сотрудника в Институте международных исследований Келлога при Университете Нотр-Дам осенью 2016 года. Я благодарен за эту возможность и выражаю свою признательность директору института Паоло Кароцца, а также Дениз Райт и другим сотрудникам Келлога и стипендиатам-постдокторантам. Центр исследований Юго-Восточной Азии при Мичиганском университете поддержал мое участие во встречах по Западному Папуа в Нью-Йорке и Вашингтоне в 2011 году, а также мою поездку в Западное Папуа, Индонезия, в 2014 году. Офис вице-президента по исследованиям Колледжа литературы, науки и искусств и факультет антропологии Мичиганского университета финансировали архивные исследования на Соломоновых островах в 2014 году и мое участие в слушаниях Межамериканского суда по правам человека в Сан-Хосе, Коста-Рика, в 2015 году. Моя работа в Гайане и Суринаме была поддержана Программой лесных народов, Ассоциацией лидеров коренных деревень Суринама и Ассоциацией индейских народов Гайаны. Деканат колледжа Маунт-Холиоок и Международное общество сохранения природы финансировали мои исследования в бассейне реки Лейккаму в Папуа — Новой Гвинее. Проект на Маршалловых островах был выполнен по заказу офиса общественного защитника Трибунала по ядерным претензиям. Работа над делом Ок-Теди и делом Голд-Ридж была поддержана компанией «Слейтер и Гордон» в Мельбурне, Австралия. По поводу дополнительного финансирования исследований в Папуа — Новой Гвинее я ранее упоминал в книгах «Обратная антропология» [Ibid.: xi–xii] и «Горнодобывающий капитализм» [Kirsch 2014: xi].

В главу 1 включены отрывки статей «Является ли дело Ок-Теди прецедентом? Последствия соглашения» из книги «Соглашение по делу Ок-Теди», под редакцией Гленна Бэнкса и Криса Балларда; «Антропология и адвокация», опубликованной в журнале

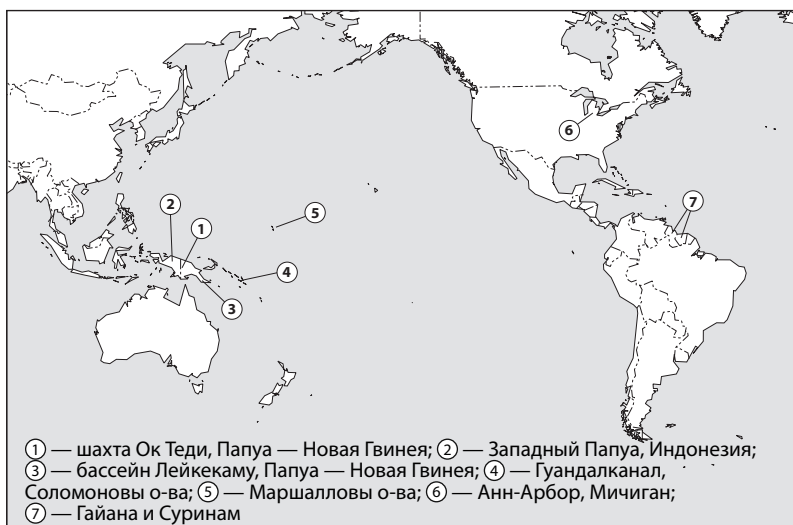
Critique of Anthropology в 2002 году; и «Движения коренных народов и риски контрглобализации», опубликованной в журнале *American Ethnologist* в 2007 году. В главу 3 вошли материалы статей «Региональная динамика и охрана природы в Папуа — Новой Гвинее», опубликованной в журнале *The Contemporary Pacific* в 1997 году; и «Социальная история бассейна реки Лейккаму» из книги «Биологическая оценка бассейна реки Лейккаму, Папуа — Новая Гвинея», под редакцией Эндрю Л. Мака [Conservation International 1998]. Глава 5 в значительной степени опирается на статью «Затерянные миры: экологическая катастрофа, “утрата культуры” и закон», опубликованную в журнале *Current Anthropology* в 2001 году. Глава 6 включает комментарий к статье «Наука, собственность и родство в дебатах о репатриации», впервые опубликованной в журнале *Museum Anthropology* в 2011 году.

В работе над проектом мне помогли вопросы и замечания, полученные во время презентаций фрагментов текста в Беннингтонском колледже, Колледже Боудуин, Британском музее, Центрально-Европейском университете в Будапеште, Центре исследований и изучения социальной антропологии в Мехико, Университете Эмори, Центре Ганса Арнольда в Берлине, Гейдельбергском университете, Остелло ди Индемани в Швейцарии, Кентском университете в Кентербери, Манчестерском университете, Университете Макгилла, Мемориальном университете Ньюфаундленда в Сент-Джонсе, Мичиганском университете, Университете штата Мичиган, Университете Нотр-Дам, Университете Осло, Принстонском университете, Университете Росарио в Боготе, Ратгерском университете, Университете Сассекса, Университете Торонто, Тринити-колледже в Коннектикуте, Университете Тромсё в Норвегии, Замке Юберсторф в Швейцарии и Йельском университете.

Я также благодарен следующим людям за их комментарии к различным главам: Дэвид Акин, Док Биллингсли, Кэт Болтен, Рамстад Йорун Брек, Паоло Кароцца, Розальва Айда Эрнандес Кастильо, Чип Колвелл, Кортни Коттрелл, Билл Доннер, Джулия Эккерт, Келли Файярд, Джиллиан Фили-Харник, Дарио Гаджио,

Илана Гершон, Диана Глазеврук, Буди Эрнаванд, Элеонора Кинг, Тина Ли, Крис Лоперена, Дебра Макдугалл, Фергус Маккей, Кейр Мартин, Майк Макговерн, Мариана Мора, Регев Натансон, Данилин Рутерфорд, Уорнер Шифф Ауэр, Сара Сванц, Маргарет Трияна, Холли Уордлоу и Джессика Уорл. Майк Вуд щедро прокомментировал оригинальный текст, при этом, как и другие упомянутые здесь люди и организации, он не несет ответственности за его возможные недостатки. Для проекта также были полезны замечания и предложения Криса Болла, Дэвида Бонда, Бена Берта, Бет Конклин, Катрин Куманс, Джатина Дуа, Стива Фелда, Дэниела Голдштейна, Дороти Ходжсон, Хуатсе Хуазеджиа, Брюса Кнауфта, Эндрю Латгаса, Клайв Мур, Линн Морган, Рона Низена, Стива Ньюджента, Тони Оливера-Смита, Давиде Орсини, Алсиды Рамос, Элиши Ренне, Оливии Сердечной, Эндрю Шрайока, Карен Сайкс, Джима Тростла и Симены Варнаарс. Обсуждение с участниками междисциплинарного семинара «Этнография-как-активизм», профинансированного Школой аспирантуры Рэххема Мичиганского университета, и разговоры со студентами моих семинаров по вовлеченной антропологии и антропологии собственности в Мичиганском университете и Университете Тромсё повлияли на заключительные аргументы.

Я также благодарю библиографа по Юго-Восточной Азии в Мичиганском университете Фе Сьюзан Т. Го за помощь в поиске труднодоступных материалов; Джери Савалла — за редактирование первого варианта книги; Рэндала Стегмайера — за подготовку изображений; Билла Нельсона — за элегантные карты. Замечания рецензентов, в том числе Рона Низена, помогли заострить внимание на нескольких ключевых моментах. Я благодарен своему редактору Риду Малкольму за его поддержку и за его видение проекта; Виктории Бейкер — за составление указателя; Боните Херд — за чуткое редактирование; Джеральдине Гудиньо Гарсия, Зухе Хан, Тому Салливану и управляющему редактору Кейт Уорн из издательства Калифорнийского университета за помощь в доведении этой книги до конца.

Карта 0.1. Кейсы, рассматриваемые в данной книге. Нумерация соответствует номерам глав

Введение

Вовлеченная антропология. Адвокативная антропология. Активистская антропология. Антропология сотрудничества. Милитантная антропология. Публичная антропология¹. Несмотря на различия, все эти проекты объединяет стремление использовать антропологию для конструктивного вмешательства в политику. Их можно понимать как эксперименты в актуализации и инструментализации антропологии. В качестве примеров можно привести участие в общественных движениях, сотрудничество с активистами и неправительственными организациями, консультирование юристов, написание аффидевитов и подготовку экспертных заключений. Все это — способы быть вовлеченными, рассмотренные в данной, основанной на моем личном опыте, книге, хоть они и не исчерпывают того вклада, который антропологи могут внести в политику [Low, Merry 2010]. Такие практики являются ценным дополнением к более традиционным формам этнографических исследований, поскольку они знакомят антропологов с новыми местами для исследований и новыми собеседниками, предлагают альтернативные темы для изучения и позволяют получить новые знания. Вовлеченность открывает новые пути для антропологических исследований.

Эти эксперименты в вовлеченной антропологии возникают там, где остановились тексты 1980-х годов, оказавшие влияние на *writing culture*² и культурную критику [Clifford, Marcus 1986;

¹ В РФ подобная деятельность широко известна под общим названием «этнологическая экспертиза». — *Примеч. пер.*

² Антропологическое движение Writing Culture. Его цель — выявить предубеждения, которые связаны с позицией антрополога во время полевых исследований, а также с выбором голосов, которые он слышит, и материалов, о которых пишет в этнографическом тексте. — *Примеч. пер.*

Marcus, Fischer 1986]; см. также [Hale 2006; Ortner 2016; Starn 2015]. Движение *writing culture* стало ответом на «кризис репрезентации», спровоцированный «Ориентализмом» Эдварда Саида [Said 1978] и тем, что было произведено в литературной и постколониальной теории под влиянием этой работы, особенно относительно необходимости уделять больше внимания власти и истории. Антропологи Северной Америки стали задаваться вопросом о процессах, посредством которых создается этнографическое знание [Rabinow 1977], в том числе о создании этнографического авторитета [Clifford 1988]. По другую сторону Атлантики в новаторской работе Мэрилин Стратерн [Strathern 1988] «Гендер дара» этнографические нарративы рассматриваются как «вымыслы» в том смысле, что они намеренно придуманы для определенных аналитических целей, и подчеркивается конструируемый характер репрезентации, а не ее противопоставленность истине или фактам. Сформулированные в исторический момент, характеризующийся пересечением деколонизации и глобализации [Clifford 2015], и мотивированные «вызовами со стороны феминисток, политических активистов, местных антропологов и других» [Besteman and Haugerud 2013: 2; Said 1989: 210], эти дискуссии призывали антропологов «развивать критику западного империализма, а также соучастия антропологии в колониализме и других формах господства» [Besteman and Haugerud 2013: 2].

Хотя вовлеченная антропология следует общей траектории, заданной движением *writing culture* в решении вопросов о политической подотчетности и ответственности, существует ряд существенных различий. Если дискуссии о *writing culture* были сосредоточены на *политике репрезентации*, то вовлеченная антропология в первую очередь занимается *политикой участия*, рассматривая те влияния, которые все чаще производятся антропологами в качестве свидетелей-экспертов, авторов исследований социального воздействия, участников социальных движений и так далее.

В дискуссиях о *writing culture* рассматривались вопросы о рефлексивности *в тексте*, в том числе о влиянии политических приверженностей и позиции автора на этнографию. Вовлеченная

антропология занимается рефлексивностью *за пределами текста*, изучая, как этнографические знания и антропологические идеи, такие как концепция культуры, все чаще используются различными акторами, включая активистов, юристов и судей, общественные движения, государства и различные сообщества. Как отмечает Фэй Гинсбург [Ginsburg 1997: 14], такие практики побуждают антропологов задаться вопросом, «что мы понимаем под нашей работой, стратегически, как видом социального действия и вмешательства в связи и в сотрудничестве с проектами тех, кого мы изучаем». Рассказывая о своей работе с культурными активистами, Гинсбург [Ibid.] утверждает, что «рефлексивность [должна быть] не только текстовой и что она [должна] начинаться с рассмотрения того, как наше исследование является частью социального мира, разделяемого с нашими субъектами»³.

Критика этнографической репрезентации участниками дискуссий о *writing culture* породила поколение экспериментальных этнографий, которые трансформировали жанр [Marcus and Fischer 1986]. В свою очередь, практика вовлеченной антропологии предполагает принятие рисков в том, как мы проводим исследования и используем этнографические знания. Выход за рамки традиционных отношений с нашими информантами и их политическими проектами также означает, что успех этих вмешательств далеко не гарантирован.

Движение *writing culture* также способствовало серьезному расколу в дисциплине — антропологической версии «научных войн». Хотя возникшие споры об эмпиризме и интерпретации в основном разрешены или по крайней мере отодвинуты на задний план, они время от времени разгораются снова⁴. Дискуссии о во-

³ Гинзбург [Ginsburg 1997: 140] призывает антропологов «определить, каким образом в повседневной жизни людей возникают новые социальные представления, наметить точки для возможных инноваций и активистской деятельности и... опираться на эти выводы, чтобы расширить возможности для позитивных изменений».

⁴ Сегодня так называемые STEM-области — наука, технологии, инженерия и математика — переживают кризис. Имеются серьезные вопросы о том, дают ли статистические тесты достоверные результаты. Широко распростра-

влеченной антропологии не менее остры. Критики вовлеченной антропологии возражают против политизации исследований. Они жалуются, что вовлеченные антропологи «гоняются за машинами скорой помощи», а не занимаются интеллектуальными вопросами. Некоторые даже утверждают, что краткосрочные проекты вовлеченных исследований являются плохой заменой хорошей этнографии, отвергая их ценность как комплементарной практики. Это похоже на то, как критики движения *writing culture* возражали против рефлексивности, утверждая, что она противоположна эмпиризму, вместо того чтобы признать ее как серьезную попытку переосмыслить представления в этнографии и выявить ее слепые пятна.

На движение *writing culture* оказали глубокое влияние постколониальная политика и постструктуралистская критика отношений между властью и знанием. Вовлеченная антропология серьезно относится к ответственности, связанной с этими вопросами [Low and Merry 2010: 203]. Эти проекты отчасти являются откликом на отношения, возникающие в процессе проведения этнографических исследований, особенно на обязательства взаимности, которые являются центральными в этих взаимодействиях [Kirsch 2002a]. Но вовлеченная антропология также стремится решать более серьезные задачи в вопросах социальной справедливости, структурного насилия и деградации окружающей среды, которые часто уходят корнями в колониальную историю и усугубляются глобализацией и современными формами

нены свидетельства манипуляций научными результатами ради экономической выгоды в таких разных отраслях, как табачная, горнодобывающая и фармацевтическая [Kirsch 2014]. Искусственно созданная ситуация неопределенности вокруг глобального изменения климата препятствует адекватному политическому реагированию. В большинстве своем ученые не хотят или не могут разработать механизмы, способные анализировать и решать эти проблемы. При этом именно социокультурная антропология, которую когда-то считали псевдонаукой, — или даже «антинаукой» — поскольку она призвала к большей рефлексивности путем признания частичности и локальности производства знаний, может обладать интеллектуальными ресурсами, необходимыми для того, чтобы помочь STEM-областям справиться с этими политическими и коммерческими проблемами.

капитализма. При этом сами участники этих проектов признают, что антропологи могут внести большой вклад в решение этих задач, чем их публикации.

Учитывая центральную роль рефлексивности в дискуссиях о *writing culture*, удивительно, что проблемам, сложностям и противоречиям вовлеченных исследований уделяется относительно мало внимания. Это упущение тесно связано с тем, что бóльшая часть существующей литературы по вовлеченной антропологии делится на две категории. С одной стороны, это проблемно ориентированные этнографические отчеты, организованные заботой о социальной справедливости [Checker 2005; Johnston and Barker 2008]. С другой — программные заявления, призывающие к переосмыслению отношений дисциплины с политикой через активизм [Hale 2006, 2007; Scheper-Hughes 1995]. Однако, учитывая их прагматическую направленность, исследования кейсов, посвященных социальным проблемам, как правило, менее рефлексивны, чем другие антропологические работы, возможно, на это влияет опасение, что признание политических приверженностей автора может подорвать авторитет текста. Более дидактическая литература по вовлеченной антропологии демонстрирует аналогичные упущения, поскольку поощрение вовлеченности производится с оглядкой на ее уязвимости и недостатки. Ни в том ни в другом жанре не уделяется достаточного внимания реальным практикам вовлеченных исследований и их последствиям как для науки, так и для политики.

В связи с чем мне интересно не только то, производит ли вовлеченная антропология «достаточно хорошую» этнографию [Scheper-Hughes 1989: 28], но и то, является ли вовлеченность благом для антропологии и способствует ли она желаемым политическим результатам. Анализируя либеральные проекты реформ, Элизабет Повинелли [Povinelli 2002] задается вопросом, возможен ли прогресс без критического изучения основополагающих институтов и практик. Реакцию антропологии на «кризис репрезентации» и необходимость решать вопросы о власти и истории можно рассматривать как внутреннюю критику дисциплины, которая помогла сделать возможными современные

эксперименты в области вовлеченной антропологии. При написании этой книги моя цель — привлечь внимание к практикам вовлеченной антропологии параллельно с рассмотрением полевой работы и этнографии участников движения *writing culture*. Моей целью является не критика вовлеченности, а лучшее понимание ее вклада в антропологию, этнографию и политику. Потому я исследую свой опыт вовлеченного антрополога.

МОТИВАЦИЯ

Эта книга призвана расширить признание и понимание вовлеченных исследований в антропологии и смежных социальных науках. Я не придерживаюсь точки зрения, согласно которой все этнографические исследования должны быть активистскими или вовлеченными, несмотря на привлекаемое подобными заявлениями внимание. Политическая вовлеченность не всегда уместна или приветствуется, и у многих антропологов она не вызывает особого энтузиазма. Более того, разнообразие подходов в антропологии — одно из ее главных достоинств [Strathern 2006]. Попытки навязать дисциплине узкие цели игнорируют это фундаментальное понимание. Признание ценности вовлеченных исследований имеет благотворный эффект расширения возможностей и потенциального вклада антропологии.

Есть несколько причин, почему вовлеченные исследования стали столь распространены последние годы. Почти всеобщее признание того, что культура является ценным ресурсом [Comaroff and Comaroff 2009; Strathern 1995; Turner 1991], а в перспективе и формой собственности [Brown 2003; Hirsch and Strathern 2004], повышает спрос на антропологические навыки и этнографические знания. Учитывая специфику отношений лицом к лицу, которые развиваются в ходе этнографических исследований, люди, которые предоставляют доступ к интимным деталям своей жизни, чувствуют себя вправе предъявлять антропологам взаимные требования [Kirsch 2002a], и во многих контекстах такие требования принимают форму предварительных условий для получения доступа к местам проведения исследований.

Антропологи также знают о критическом отклике предыдущих поколений информантов на этнографическое представление их практик [Scheper-Hughes 2000]. Это в том числе про нашу склонность публично делиться информацией, которая обычно считается частной [Herzfeld 1997; Shryock 2004]. Напротив, вовлеченные антропологи стремятся культивировать альтернативные отношения через сотрудничество в рамках общих политических проектов. Рост неправительственных организаций с 1980-х годов также увеличил возможности для вовлечения⁵. Как, например, возможность участвовать в социальных движениях, которые расширяются через международные границы и объединяют различных акторов, использующих комплементарные режимы доступа к власти, дискурсы и политические рычаги [Escobar 2008; Juris 2008; Keck and Sikkink 1998; Kirsch 2014].

Есть предположение, что ученые вынуждены искать новые варианты применения своим навыкам по причине усиления академической неустойчивости [Goldman and Baum 2000: 2]. Но не только экономические возможности мотивируют эти поиски. В эпоху снижения ожиданий от академической карьеры многие антропологи ищут альтернативные источники самореализации и обоснования для проведения исследований, включая желание внести вклад в позитивные социальные изменения. Такие стремления совпадают с пересмотром ожиданий финансирующих организаций и общества в целом относительно обязанностей ученых и исследователей [Nowotny, Scott, and Gibbons 2001], который проявляется, в частности, в необходимости указывать, как их работа принесет пользу объектам исследования и окажет положительное влияние на общество [Page and Strathern 2016].

Ученые также начинают идентифицировать себя с объектами своих исследований и стремятся защищать их интересы. Это происходит в разных дисциплинах. Например, многие биологи, с которыми я работал, стали защитниками природы, когда виды,

⁵ Однако такие связи создают новые риски для этнографов, когда неправительственные организации выступают в роли стражей того, что можно назвать «заключенной антропологией» [Andrew Shryock, частный коммент., 2012].

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru